

Александр Ширванзаде
СТАРЫЙ БАКУ. Перевод Я. Хачатрянца

В одном из заливов Каспия среди скал приютился поселок, выжженный солнцем, точно деревня на сирийском побережье.

В прошлом это был город с многовековой историей. Иногда называли его крепостью. Высокие стены, двойным кольцом окружавшие его, служили когда-то защитой от вражеских нападений, но в наши дни их удостаивают вниманием разве одни археологи. Кривые улицы без мостовых до того узки, что кое-где двум прохожим не разойтись. Вокруг ни травы, ни деревца, ни родника, а вода в дворовых колодцах солона, как морская. Всюду груды отбросов, возле них весь день копошатся собаки. Тут все серо — и дома, и мусульманская мечеть, и христианская церковь, и лица обывателей, точно чья-то незримая рука окутала город дымкой беспросветной тоски.

За стенами теснился другой город — новый, современный. В нем было домов двести-триста. Здесь улицы пошире и дома вместительней: есть и двухэтажные. Однако картина та же, что и внутри крепости: грязь и почти нет растительности. Когда поднимался ветер, песчаная пыль, взлетая, забивалась повсюду. Не из-за этого ли большинство несчастных жителей жаловалось на болезни глаз и горла? Ветер, словно легендарное чудовище, то и дело набрасывался на городок и часто дул по два-три дня подряд. Городские власти придумали странное средство для защиты от стихии: в засушливую погоду раз в неделю улицы поливали мазутом — от этого безотрадный на вид город становился еще мрачнее.

Море, самой природой предназначенное для украшения города, было у берегов завалено мусором. Южный ветер нес к берегу оставляемые на волнах судами черные пятна мазута.

Единственным местом прогулок была набережная и приютившийся на краю ее садик, тощие деревья которого напоминали ослабевших от голода нищих. С утра до вечера рыскали по набережной съехавшиеся со всех концов

Закавказья авантюристы, искатели наживы, проходимцы. Среди них встречались выродки, готовые за соответствующую мзду ударом кинжала отправить к праотцам кого угодно. Местом сбора этих жуликов была чайная, ютившаяся в дальнем углу набережной; о ней, разумеется, полиция знала, но боялась туда сунуться.

Летом дважды в неделю в саду играл духовой оркестр моряков с небольшого пограничного корабля. Прогулка под музыку была единственным развлечением горожан, изнуренных каждодневным подневольным трудом и удушливой духотой.

Таким был Баку, когда Вардан Айрумян прибыл сюда.

Саргис Ахвердян успел открыть гастрономический магазин, и вот уже полгода как его дела шли прекрасно. Магазин был открыт именно там, где заранее наметил ему место бойкий делец — на набережной, против оживленной пристани. Во всем городе не было ему равного по разнообразию закусок и напитков, а главное, здесь умели показать товар лицом. Да и сам хозяин, Саргис Ахвердян, не походил на прочих торговцев. Побывав в больших городах необъятной России, заведя связи с крупными коммерсантами, особенно евреями и немцами, он изучил и перенял приемы и обычаи, неизвестные его соотечественникам. Саргис Ахвердян давно уже сбросил чуху и папаху, заменив их пиджаком и шляпой. Он даже изменил имя, отчество и фамилию. Теперь он уже именовался Сергей Маркович Аквердов (именно Аквердов, а не Ахвердов). В глубине души он даже счел бы себя оскорбленным, если бы кому-нибудь вздумалось назвать его прежним именем или, упаси господи, припомнить, что у отца его было прозвище «плешивый».

В первый же день он строго-настрого приказал племяннику называть его не «дядей», а Сергеем Марковичем. Исполнительный Вардан Айрумян, считавший дядю высшим мериллом культуры, с готовностью повторял новое, звучное имя дяди. Больше того: про себя Вардан Айрумян решил и сам переменить имя, отчество и фамилию, но, разумеется, не сейчас, а года через два, когда у него появятся усы.

Пока же Вардан был только вторым приказчиком. Его обязанностью было красиво упаковать проданный товар и подать покупателю с любезной улыбкой и словами: «пожалуйста, сударь» или «пожалуйста, сударыня». Да, обязательно с улыбкой. Улыбка — признак культурности. Все еврей-торговцы улыбаются. А вот армянские купцы о культурности не имеют понятия и встречают посетителей с кислой миной, будто уксусу лизнули, говорил Аквердов. У отца ты ничему путному научиться не мог. Не зря все его «свиньей» обзывали — злющий был, ни с кем не дружил, да и его не любил никто. Почему Абраам надул твоего отца и даже не покаялся? Потому что он знал: никто не заступится, напротив, все будут только рады. Умный человек должен мягко обходиться с врагом. Один мой знакомый купец говорил: «Ежели хочешь насолить врагу, сначала для вида подружись с ним, узнай его слабые струнки, его тайны, а уж потом начинай тяжбу с ним». Жизнь — борьба, и никто не сможет одолеть врага, не распознав его раньше. Тот купец уверял: «Лучше быть лисой, чем волком. Угождай, льсти людям, не показывай им зубов, но будь готов вцепиться им в глотку». Много дельного я от него услышал. Помнится, как-то он сказал, что некогда в Египте змею почитали как бога...

Вардан внимательно слушал дядю, каждое его слово казалось юноше величайшим откровением. Пронырливость и сноровка дяди восхищали Вардана, и он верил ему безгранично. В то же время мысли юноши были куда независимей, чем могло показаться его покровителю. Прежде всего Вардан Айрумян начал задумываться о своем нынешнем положении: кто он здесь, какое место занимает в магазине дяди? Он простой приказчик! Именно, простой приказчик. Разве это не унижительно для человека, отец которого с давних пор был купцом куда более независимым, чем Сергей Маркович Аквердов, в прошлом заурядный кабатчик. Ведь и он сам имеет в торговле свою долю, унаследованную от отца и переданную матерью ее брату. Почему же и его имя не сияет золотыми буквами на длинной и широкой вывеске, что

красуется над входом в магазин? Его так и подмывало намекнуть об этом дяде, но он чувствовал, что это преждевременно.

С утра до вечера завертывая покупки, Вардан в то же время не переставал наблюдать окружающее. Вскоре он понял, что среди торговцев положение дяди, вопреки его заносчивости и самодовольству, не такое уж прочное и высокое. Вардан про себя отметил, что дядя стоит даже ниже некоторых местных купцов, торгующих сахаром, рисом и сухими фруктами. Они получали из Персии и России по несколько тысяч мешков и ящиков товара в год. Глядя на них, становилось ясно, насколько незначителен объем торговли Сергея Марковича Аквердова. Каждый день на глазах у Вардана разгружали и нагружали пароходы, и он воображал, как со временем, если счастье ему не изменит, он сам, быть может, станет судовладельцем. Иногда он ловил себя на мысли: а почему бы счастьем отвернуться от человека, способного добыть его своим умом и энергией? — и ему хотелось даже сказать об этом вслух. Первый приказчик, Джумшут Баргесян, часто рассказывал Вардану о том, что вот-де такой-то пароходчик был прежде возчиком, а такой-то — простым моряком или поваром. Рассказывал он и о том, что некоторые из них занимаются контрабандой: провозят из Персии товары без пошлины, подкупая акцизных чиновников. Эти разговоры укрепляли стремление Вардана быстро и легко разбогатеть.

— Но все это пустяки, — закончил однажды Джумшут очередной свой рассказ: — нефть, нефть — вот золотое дно!

Вардан и раньше слышал о нефти, знал, что существуют промысла и заводы, но не видел, не имел понятия о них. В одно из воскресений Джумшут предложил ему осмотреть заводы.

В ту пору площадь нефтяных промыслов была невелика. Несколько десятков скважин в Балаханах и Сабунчах — вот и все. Когда Вардан и Джумшут приехали в Балаханы, там из глубины в сорок метров бил фонтан. Хозяева — несколько пузатых армян с толстыми затылками, — собравшись, советовались, как бы его заткнуть. Нефть с бешеной силой вырывалась из

земли, портила участки соседних крестьян. Те возмущались: их поля и пастбища погибали от нефтяных потоков. Крестьяне угрожали кинжалами и ружьями. Незадолго перед тем уже было несколько убийств, Армяне — владельцы промыслов — приходили в ужас. По их приказу рабочие попробовали зажечь фонтан, однако неудачно.

— Дураки! — шепнул Джумшут Вардану. — Не могли за день нарыть несколько ям для стока нефти.

— Сущие ослы! — согласился с ним Вардан.

Восторгаясь фонтаном, Вардан в уме подсчитывал, какое богатство зря гибнет. И когда Вардан сравнивал эту сумму с капиталом дяди, ему становилась смешной заносчивость Сергея Марковича Аквердова.

В город Вардан вернулся глубоко потрясенный всем виденным. Дорогой Джумшут объяснил ему, какие огромные богатства таятся под «этой благословенной почвой». Он выложил все свои познания о нефти, то есть все, что успел прочесть в газете.

— Видишь вон то поле с холмами, — указал он на Апшеронский полуостров, — там повсюду нефть, до самого моря, и даже под Каспием, говорят, есть залежи. Ты удивляешься, не веришь? Так вот тебе доказательство. Смотри, вдалеке виднеется остров. Это Наргси. Чуть в стороне от него с морского дна пробивается газ. Когда в честь приезда наместника Кавказа зажгли этот газ, я собственными глазами видел, какая чудесная иллюминация получилась. Три ночи подряд было светло, как в ясный день. Потом налетел ветер, на море поднялось волнение, и огонь потух.

Вардан слушал и соображал, как быть... В его юном воображении с удивительной быстротой нефть превращалась в золото; миллионные цифры плясали перед глазами, как одержимые. Самая пылкая поэтическая натура не могла бы так восторгаться красотой природы, как Вардан Айрумян голыми песчаными полями и холмами с их жалкой, преждевременно увядшей растительностью, выжженной жгучим солнцем. Отчего бы не приобрести хоть

немного подземных сокровищ — небольшой клочок нефтеносной земли? Почем знать, как поднимется цена на нее завтра или послезавтра.

— Кому принадлежит эта земля? — спросил семнадцатилетний юноша с нетерпением и жадностью пожилого, искушенного дельца.

— Частью участков владеют местные беки и крестьяне, остальные земли казенные.

— Крестьяне продают свои участки?

— Конечно, но еще охотнее продают их беки.

— А по какой цене?

— Смотря по тому, каков участок. Вблизи Балаханов и Сабунчей земли сравнительно дороги, в других местах куда дешевле.

Вардан умолк. Об остальном он решил узнать позже у других: как бы Джумшут чего доброго не пронюхал, какие планы зреют у него в голове. Вардан еще от отца научился тайнам практической мудрости. Кроме того, он твердо помнил наставление покойного: «С умным разговаривай поменьше, чтобы не обнаружилась твоя глупость; а с глупым совсем не говори, чтобы не растратить ума».

Вечером Вардан не сдержался и поделился с дядей глубоким впечатлением от поездки.

— Что ж, это неплохо — побывать на промыслах, — заметил Сергей Маркович иронически, — но мне, надеюсь, ты не посоветуешь стать одним из их владельцев?

— Как раз об этом-то я и хотел поговорить с тобой: неплохо бы и нам купить клочок нефтеносной земли.

— Мы да мы! — воскликнул Сергей Маркович, громко смеясь. — Значит, на компанейских началах — не так ли?

— Да.

— А дальше что?

— Поставим вышку, прорубим скважину, и у нас забьет фонтан, — ответил Вардан вполне серьезно.

— Ну да! Болтал бы поменьше, ты еще ребенок и мало в таких вещах смыслишь. Я весь мир исколесил, а ты мне смеешь советы давать! Я ни за что не выпущу из рук наше золотое дело. Но на кой черт мне твоя нефть? Чтобы ею поливали улицы да пачкали мои летние белые панталоны? Брось, бога ради! Погоди, вот с января расширим магазин вдвое, я и лавку рядом уже снял, перемену вывеску — напишу крупными буквами: «Гастрономический магазин: Сергей Маркович Аквердов и компания» И компания, понимаешь?

— Кто же будет твоим компаньоном?

— Ты.

Вардан, конечно, обрадовался, но, к удивлению дяди, и виду не подал.

Минуту поразмыслив, он спросил:

— А почему бы и мою фамилию не поставить на вывеске?

— Слишком торопишься, молодой человек, нехорошо. Ты еще несовершеннолетний и по закону не имеешь права подписать нотариальное соглашение. Повремени годика три-четыре.

Четыре года! Нет, на такой долгий срок у Вардана не хватит терпения. Ему хочется вырваться из мрака неизвестности. Время идет, а Вардан все еще младший приказчик — это оскорбительно. Что подумают сыновья Абраама-аги, недавно приехавшие в Баку и уже открывшие в центре города большой мануфактурный магазин на свое имя? А школьные товарищи Вардана? Минас отправился в Эчмиадзин и поступил во вновь открытую академию. Почему знает, может, из него выйдет знаменитый человек? Кривоносый Мкич Чахмахан в Тифлисе поступил в военное училище — из него тоже будет толк. Мартирос служит в полиции, у него кокарда на фуражке, и при встречах он здоровается очень небрежно. Одним словом, все идут в гору, а Вардан по-прежнему приказчик «по бакалейной части». Конечно, больше всего злили Вардана сыновья Абраама-аги. Всякий раз, проходя мимо их магазина, он отплевывался. «Нет, — думал он, — так продолжаться не может».

Вардан решил ждать еще год — не больше. Но и года не прошло, как он возобновил свои попытки сделаться полноправным компаньоном дяди, с фамилией на вывеске.

— Закон не позволяет, — уверял его Сергей Маркович.

— Почему?

— Потому, что твой капитал втрое меньше моего.

— Тогда разделимся, и я начну собственное дело.

Сергей Маркович захохотал.

— Ты, мальчишка, вздумал самостоятельно торговать?

Вардан обиделся.

— Сергей Маркович, — сказал он, еле сдерживаясь, — ты не раз говорил, что в мои годы начал торговать, почему же ты меня называешь мальчишкой?

Сергей Маркович стал оправдываться. Ему не хотелось обижать племянника. В глубине души он высоко ценил способности Вардана, его обхождение с покупателями, умение разбираться в счетах, его энергию и усердие. Не хотелось лишаться такого способного помощника.

— Ладно, — молвил он, кладя руку на плечо Вардана, — пусть пройдет еще год, и с января мы переменим вывеску, но при одном условии: чтобы над входом в магазин не было имени Вардана. Как бы это неуклюжее имя не накликало несчастья.

— Я об этом уже думал и отныне буду называться Власом Афанасьевичем Айрумовым.

— Нет, нет, Влас тоже нехорошо — извозчицье имя. Лучше Василий Афанасьевич.

— Пусть так.

И с того дня Вардан стал именоваться по-новому: Василий Афанасьевич Айрумов.

На единственной площади города среди множества магазинов был один с вывеской:

«Продажа мануфактурных товаров. Рипсиме Аракеловна Далбашян и сыновья».

Очень немногие из прохожих обращали внимание на эту вывеску, но те, которые читали ее, недоуменно пожимали плечами и вспоминали:

— Да ведь это тот самый!

Абраам и Израел Далбашяны, объявив себя банкротами, покончили расчеты с Морозовым и Атанасом Айрумяном, уплатив по двадцати копеек за рубль. Потом они порешили закрыть торговлю и разделиться. Израел забрал половину припрятанного товара и с семьей отправился в Ростов-на-Дону, чтобы там продолжать дело, а Абраам-ага перебрался в Баку, также забрав свою часть товара. При дележе награбленного братья немного повздорили, но под конец помирились и, расставаясь, облобызались.

Еще до того, как объявить себя банкротом, дальновидный Абраам-ага перевел имущество на имя жены Рипсиме. Он решил открыть в Баку мануфактурную торговлю, на этот раз закупая товар уже не у Морозова, а у других фабрикантов. Как купец с пошатнувшейся репутацией, Абраам-ага, естественно, по закону не имел права заниматься торговлей, потому он счел более разумным и безопасным воспользоваться именем жены и сыновей. Абраам-ага знал, что его достопочтенная половина, почти неграмотная женщина, совершенно лишена коммерческих способностей и слаба даже в денежных расчетах, зато его старший сын, двадцатипятилетний Аршак, не хуже отца понимал в деле и мог вести его умно и успешно. На второго сына, несовершеннолетнего Даниела, Абраам-ага особых надежд не возлагал, считая его мягкотелым и беспечным. Третьего, девятилетнего Самвела, Абраам-ага, уступив настояниям Аршака, решил определить в только что открывшееся реальное училище.

— Вот кончит среднюю школу, — говорил Аршак, — мы его отправим еще учиться в Москву или в Германию. Пусть хоть один из нас постигнет науку.

Абраам-ага не был настолько дряхлым, чтобы сидеть дома сложа руки. Бездействие было для него своего рода недугом, и, чтобы избавиться от него, он по нескольку раз на день бывал в магазине. Входил он медленным шагом, перебирая четки, садился в углу, как человек посторонний, подсчитывал про себя число покупателей, сумму забранного ими товара и уходил, радуясь или ворча, чтобы через час заглянуть снова. Так ведет себя ворон, когда его птенцы обеспечены пищей.

После того как Абраам-ага покинул Зилзил, он внешне совершенно изменился: перестал красить усы хной, не подкручивая их на концах, как делают люди молодые и решительные, не брился, и борода его уже отросла до груди. Белая и пушистая, как снег, широкая, как лаваш, она вызывала у многих почтительное чувство. Теперь и походка его была солидней и степенней, чем в былые времена, когда он еще не обобрал приятеля и не доконал его. Абраам-ага переменял и костюм. Он расстался со своей чухой с откидными рукавами и поверх архалука надевал широкий сюртук, застегнутый на все пуговицы, — ни дать, ни взять протестантский проповедник. Еще больше походил бы Абраам-ага на еврейского раввина, отпусти он волосы на висках. Вместо азиатской остроконечной шерстяной папахи на голове черный суконный картуз, точь-в-точь какие носят московские купцы. Азиатские шлепанцы сменила европейская обувь с подметками в два пальца толщиной.

Каждое воскресенье Абраам-ага непременно отправлялся в церковь и оставался там до конца службы. Потом он смиренно подходил к священнику под благословение. После богослужения Абраам-ага раздавал нищим медяки и поджидал настоятеля, чтобы побеседовать с ним, а потом, если будет настроение, пригласить его к обеду.

При взгляде на спокойный, безмятежный, почти библейский лик Абраама-аги можно было подумать, что нет более честного, более

благородного и благочестивого человека на свете. Так за благообразием скрывались ложь и подлость, жестокое сердце и грязная душа. Сам Абраам-ага умел пользоваться своим внешним благолепием и при разговоре без особого усилия придавал своему голосу, манерам и движениям соответствующий оттенок. Ни один одаренный актер не сумел бы исполнить роль на сцене с таким мастерством, как этот старик играл свою роль в жизни. Он был в полном смысле слова волк в овечьей шкуре, но только волк сытый.

Правда, иногда, вспомнив загубленного Атанаса Айрумяна, Абраам-ага на минуту мрачнел, и лицо его хмурилось, но что может значить в безоблачный летний день тень от набежавшей легкой тучки? Ему было достаточно повторить про себя любимую поговорку: «Кто в этом мире не знал потерь?» — чтобы тотчас обрести обычную безмятежность.

Как-то, прогуливаясь по набережной, Абраам-ага встретил Вардана Айрумяна; они узнали друг друга. На мгновение крестному захотелось поздороваться с юношей, поговорить, «по-отечески» расспросить о здоровье, о матери, о делах... Но Вардан метнул на него такой яростный взгляд, что у Абраама-аги отнялся язык.

В другой раз Абраам-ага встретил крестника с дядей в саду. Он думал незаметно улизнуть, но Вардан, заметив старика, стал осыпать его лютыми ругательствами. Абрааму-аге показалось, что юноша бросился бы на него, если бы дядя его не удержал. После этого старик стал не на шутку побаиваться Вардана и избегал с ним встречаться. Однако бешеная ненависть Вардана отняла покой у Абраама-аги и заставляла его вспоминать о давнем грехе. Может быть, старика тревожили укоры совести? Ничуть не бывало! Время уже сделало свое дело, навсегда убив в нем раскаяние. Теперь его место занял животный страх за свою шкуру. Как знать, на что пойдет этот юнец, чтобы отомстить за гибель отца. Известно немало случаев, когда люди его возраста из-за пустяков решались на злодейство.

И вот однажды вечером Абраам-ага рассказал обо всем сыновьям. Он не в силах был больше таить мрачные предчувствия.

— Берегись Вардана — он полон беспощадной злобы.

— Да и как не быть злобе, неужели он забудет про смерть отца? — заметила Рипсима.

— Пусть думает что хочет, — вмешался Аршак, — я не боюсь. Меня другое тревожит: он в торговле, наверно, здорово успевает. Ты, папа, обратил внимание, какой магазин у его дядюшки?

— Я уже давно заметил, — отозвался Даниел, — над входом красуется вывеска: «Гастрономический магазин Сергея Марковича Аквердова и Василия Афанасьевича Айрумова».

— Слышишь, папа, — продолжал Аршак, — значит, Вардан стал компаньоном. Я уверен, что скоро он вышвырнет Аквердова и делается хозяином магазина. Не мести его я боюсь, а ума и хитрости.

— Как он может повредить нам своим умом и хитростью? — пренебрежительно скривил губы Абраам-ага.

— Мало ли что дозволено сильнейшему!

— В торговле страшна конкуренция. А у нас нет причин состязаться: у них один товар, у нас другой.

— Нет, папа, в торговле все связаны друг с другом. Один вид ее, развиваясь, способствует упадку или росту другого. Таков экономический закон, я читал об этом. Но сейчас я хочу сказать о другом...

— Не понимаю, — рассердился Абраам-ага, — при чем тут этот мальчишка?

— Как раз о нем я и говорю. Вардан, именуемый ныне Василием Афанасьевичем Айрумовым, принадлежит к тому сорту людей, которые не сегодня-завтра станут хозяевами нашего края.

— Торгуя жареной индейкой и развесной ветчиной? — воскликнул иронически Абраам-ага.

— Нет, папа, он разбогатеет не от продажи закусок, а на нефти, понимаешь, на нефти. Я не раз толковал и скажу еще: будущее в руках у того,

кто бросит мелочную торговлю и возьмется за нефть. Вардан Айрумян, невзирая на молодость, отлично понимает это.

— Из чего ты это заключил? — любопытно спросил Абраам-ага.

— На этих днях он в Романах купил две десятины нефтеносной земли. Это не шутка!

— Кто тебе сказал?

— Один бек, с которым я познакомился в клубе. Сегодня он приходил к нам в магазин и предлагал мне купить там же хоть десятину. Видно, человек сильно нуждается в деньгах и готов уступить по самой низкой цене. К сожалению, папа, я отказался из-за тебя. Ты мне, кроме мануфактуры, не велел ничем заниматься...

— И отлично сделал, что отказался. Глупо добытые в поте лица деньги бросать в колодец, не зная, что в нем скрывается.

— Нет, отец, инженеры в один голос утверждают, что в Романах бесспорно нефтеносный район. В газете об этом каждый день пишут.

— Господь еще не отнял у меня разум, чтобы я в делах слушался газеты, — возразил Абраам-ага. — Чего спорить? Если даже собственными глазами я увижу в Романах бьющий фонтан, я все-таки воздержусь бурить рядом с ним. Одним словом, нефть — не наше дело, я в ней не вижу пользы.

— Послушай, отец, ежели купец дальше своей лавки ничего не видит, он навсегда останется лавочником. Баку растет, ширится изо дня в день и нынче стал губернским городом. Со всех концов мира сюда стекаются предприниматели, инженеры, кто с капиталом, кто без него, все надеются разбогатеть на нефти. Не зря Баку называют новой Калифорнией. Мне кажется, папа, что все эти приезжие из Петербурга, Швейцарии, Германии и Англии чувствуют, чем здесь пахнет. Почему какой-нибудь Вардан Айрумян, или Василий Афанасьевич Айрумов, постиг эту простую истину, а мы нет? Почему он должен быть дальновиднее нас?

— Я тебе передал золотое дело — продолжай его, а этот щенок скоро протянет ноги на своей нефтеносной земле, поверь мне.

Рипсима прислушивалась к их спору... Полная, круглолицая сорокапятилетняя женщина; ее духовные потребности и умственные интересы ограничивались пределами семейного очага — она все двадцать шесть лет супружества просила у судьбы только одного: сытости и покоя. Она гнала от себя все, что могло так или иначе встревожить ее. Но с того дня, когда Абраам-ага, обобрав приятеля, выставил его за дверь, мадам Рипсима не находила покоя.

— Можно и мне прибавить словечко? — вмешалась она. — Послушай меня, Аршак: алчность к добру не приводит; она толкает человека на ошибки и лишает его душевного покоя. Довольствуйся тем, что дает тебе судьба, не накликай на нас новых бед. Когда-то я заикнулась об этом твоему отцу, а он мне сразу рот заткнул. С тех пор я вечно в страхе, дня не проходит, чтобы не подумала: рано или поздно нагрянет на нас какая-нибудь беда.

— Будет тебе, — властно прервал жену Абраам-ага. — Не забывай, что над входом в магазин стоит твое имя, — значит, в моем грехе и твоя доля, если то, что сделал, — грех.

— Ах, боже мой, как я просила, молила не писать мое имя на вывеске, а ты не послушался. Что мне было делать? А потом я подумала: раз мои дети входят в дело, можно войти и мне.

— Мама, — отозвался Аршак, — неужели тебе кажется бесчестным видеть свое имя на вывеске нашего магазина?

— Нет, сынок, ты меня плохо понял. Как это объяснить? С того дня, как твой отец прогнал из дому Атанаса Айрумяна и тот умер от удара, я в каком-то смутном сне. Пусть уж над отцовским магазином красовалось бы только его имя, и он один отвечал бы за свои поступки.

— А ты чего боишься, говори! — крикнул Абраам-ага и хлопнул рукой по столу.

— Не знаю. Вот сейчас, когда ты сказал о сыне Атанаса: «Берегись, этот паренек что-то замышляет против нас», — я ужаснулась. Уж лучше бы он отомстил нам, старикам, и не трогал наших детей.

— Ничего он не сможет сделать, мама, — успокаивал ее Аршак, — он один, а нас трое братьев.

— Не говори так, сынок; если он хоть на одного из вас поднимет руку — я умру от горя.

— Мама, — вмешался Даниел, — я хорошо знаю Вардана. Он до того труслив, даже кошек боится. В школе мы всегда потешались над ним.

— Рассказывают, что в Баку водятся бродяги, готовые за сто-двести рублей среди бела дня зарезать кого угодно.

— Это верно, — подтвердил Даниел, — мне даже показывали их притон. Говорят, сама полиция боится их.

— Ну, довольно! — воскликнул Аршак. В глубине души он тоже испытывал необъяснимое опасение. — Это уже начинает становиться смешным.

— Пусть так, сынок, все равно от страха ты меня не избавишь.

Беспокойство мадам Рипсиме объяснялось не нравственными соображениями. Не будь страха, она бы во всем согласилась со своим благоверным.

Абраам-ага прекрасно знал это и потому считал лишним продолжать спор. Бросив сочувственный взгляд на жену, он поднялся и медленно ушел в спальню, чтобы сотворить обычную молитву, а потом насладиться безмятежным сном. За ним последовала и мадам Рипсиме, поцеловав и благословив на ночь сыновей.

Аршак расходилась во взглядах с отцом. В то время, как Абраам-ага в душе считал ложное банкротство ловким ходом, Аршаку этот поступок казался предосудительным с той же практической точки зрения. Об этом ему не раз приходилось спорить с отцом и дядей. «Ложное банкротство, — уверял Аршак, — никуда не годное, отжившее средство, которое современному купцу пора вышвырнуть, как грязную тряпку». В глазах Аршака ложное банкротство было глупостью, легкомыслием, подобным выходке смелого, опытного вора, стянувшего носовой платок.

Стоило ли из-за тридцати — сорока тысяч пачкаться и порочить свое имя? Можно было выждать еще несколько лет, потом уже подстрелить дичь покрупнее. Тогда Аршак, пожалуй, примирился бы с отцом и дядей. А теперь какой жалкий результат, да еще купленный ценою запятнанной репутации! Все равно, что льву вернуться с охоты с лисьей добычей. Морозов — еще с полбеды, он далеко отсюда; быть может, со временем окружающие позабудут о нем. Но об Атанасе Айрумяне никто в городе не забудет. Все, кто знал его, будут вечно помнить отчаянные вопли ограбленного старика, проклятия, брань, яростный гнев, агонию его и смерть. И все это из-за трех-четырех тыщенок, в то время, когда в Баку люди начинали считать деньги миллионами и десятками миллионов. Нет, пусть Абраам-ага говорит, что хочет, Аршак не может считать этот поступок разумным и всегда будет осуждать его. И как это отец не подумал, что ответственность за его глупость ляжет пятном на детей, на их торговую репутацию.

Больше всего Аршака тревожило именно это. Когда он спросил у матери: «Неужели тебе кажется бесчестным видеть свое имя на вывеске нашего магазина?» — он думал только о репутации их фирмы.

Вообще у него было своеобразное понятие о чести. Тот, кто в торговом мире пользовался доверием, по его понятиям был человеком порядочным. Аршак знал, что фамилия отца на вывеске так или иначе бросает тень на их лавку. Эта мысль буквально терзала сердце Аршака, особенно после переезда в Баку, порой доводя его до бессонницы. Этого мелкого торгаша из маленького уездного города, не видевшего ничего, кроме четырех стен своей лавки, поразили сулившие богатства нефтяные фонтаны. Просторы моря рождали в нем сотни планов, и юную фантазию неудержимо влекло к ним. Отныне железный аршин — эта жалкая мерка — не мог утолить его жажды к наживе. С утра до вечера отмеривая и разрезая ситец и полотно, он чувствовал себя достойным сожаления. Звяканье ножниц, словно звук пилы, режущей стекло, доводило его до бешенства. Случалось, что проданный и запакованный отрез он швырял чуть ли не в лицо покупателю.

Там, где вокруг люди разных возрастов, племен и наций говорили только о крупной промышленности, о заводах и промыслах, Аршак чувствовал себя слабым и беспомощным, как лиса среди львов и тигров. Нет, так больше не могло продолжаться. Одно из двух... либо надо было броситься в общую свалку, заразившись биржевым и банковским ажиотажем, либо вернуться в Зилзил и продолжать там родительское дело. Теперь сытое самодовольное лицо отца вызывало у него раздражение. Всякий раз, когда старик, перебирая четки и выставляя вперед пышную бороду, торжественно входил в лавку, сын, злорадно усмехаясь, шептал про себя: «Шах-ин-шах шествует в свои чертоги».

Однажды, когда родителей не было дома, Аршак обратился к брату Даниелу:

— Если бы ты был таким же сметливым, как Вардан Айрумян, мы бы могли тайком от отца затеять крупные дела.

— Какие же, например?

— Ну можно ли, живя в Баку, задавать подобные вопросы? Я говорю о нефти.

— Не хочу я заниматься торговлей.

— Нефть — не торговля, а промышленность.

— Какая разница?

— Такая же, как между рядовым и генералом, между слугой и хозяином: одно дело — лавочник, а другое — капиталист, понимаешь? Если не понимаешь, могу объяснить.

— Не хочу я никаких объяснений. Мне претит всякая коммерция.

— Неужели! — воскликнул Аршак полуиронически, полусердито. — С каких же это пор?

— С того дня, как наш отец загнал в могилу своего лучшего друга, Атанаса Айрумяна, присвоив его деньги. Не могу я забыть проклятий этого ограбленного старика. Мне слышатся его слова: «Абраам, разрушив мой очаг, ты построил свой. Но не кичись, божий огонь когда-нибудь испепелит твоих

детей». Ночи не проходит, чтобы Айрумян не приснился мне. Я боюсь, Аршак: деньги наши заражены ядом...

Даниел устремил свои большие глаза на тощее, продолговатое лицо старшего брата. Аршак, откинув длинными пальцами редкие волосы с узкого лба, засмеялся, обнажая крупные лошадиные зубы.

— Ты еще глуп, вот что, — проговорил он, выпрямляя сутулую спину, — снами только старух пугают. Оставим эту ерунду, скажи, пожалуйста, чем ты думаешь заняться, раз торговля осточертела тебе?

— Не знаю! Но с завтрашнего дня я больше не переступлю порога лавки.

— Ах, вот что! — воскликнул Аршак, еще больше раздражаясь. — Значит, будешь дармоедничать, сидеть на моей шее? Хочешь, чтобы я работал, а ты жрал, да?.. Коли так, ты мне больше не брат. Убирайся, куда хочешь!

— Не беснуйся, и так уйду.

— Куда?

— Когда-нибудь узнаешь, — проговорил Даниел холодно, совсем как взрослый, и вышел из комнаты.

Размолвка с братом была для Аршака полнейшей неожиданностью. До этого вечера он абсолютно не интересовался помыслами Даниела. Аршак думал, что Даниел относится к ложному банкротству отца более снисходительно, чем он, и даже, быть может, оправдывает его. Теперь же он увидел, что Даниел осуждает поведение отца и совсем не потому, что присвоенная им сумма мала, а единственно с точки зрения нравственной. Резкое различие во взглядах на жизнь смутило Аршака, и почему-то собственное поведение показалось ему унижительным. Признавшись себе в этом, он стал искать какое-нибудь оправдание, способное подавить мгновенную вспышку совести. И он нашел это успокоение, сказав себе: «Даниел молод, ум его еще не созрел, а вот подрастет — и станет думать, как я».

Через несколько дней Даниел сбежал из родительского дома. Напрасно его искали целую неделю...

Ереван 1 9 3 1 — 1 9 3 3 гг.